

© 2000 г. А.П. ВОЛОДИН

О "БЛУЖДАЮЩЕЙ МОРФЕМЕ" *INE/ENA* В ЧУКОТСКО-КОРЯКСКИХ ЯЗЫКАХ (ОПЫТ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

0. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

0.0. К числу чукотско-корякских языков я, вслед за П.Я. Скориком, отношу чукотский, корякский, алыторский и керекский (ср. [Скорик 1958]). Все эти языки несомненно родственные¹. Чукотский язык по ряду параметров несколько обособляется от остальных; поэтому далее я иногда пишу "корякские языки". Точка зрения Скорика на состав чукотско-корякской группы не является общепринятой.

Диалектная расчлененность чукотского языка выражена очень слабо; в корякском ситуация обратная. Многочисленные корякские диалекты могут быть разделены на две группы – чавчувенскую (кочевые коряки) и нымыланскую (оседлые коряки). То, что известно нам как "корякский язык", представляет собой чавчувенский диалект, который положен в основу письменного языка. Алыторский язык относится к нымыланской группе, керекский – к чавчувенской группе (хотя кереки, расселенные по берегу Берингова моря на юге Чукотки – севере Камчатки, вели оседлый образ жизни).

Настоящая работа представляет собой один из результатов сравнительного исследования чукотско-корякских языков (плановая тема ИЛИ РАН, рукопись завершена в 1998 г.). Прежде чем переходить непосредственно к теме, представляется полезным сделать несколько вводных замечаний и предъявить необходимый минимум дескриптивной информации. Примеры приводятся в фонологической транскрипции, которая во всех отношениях предпочтительнее практической орфографии.

0.1. Чукотско-корякские языки описаны в разной степени. По чукотскому и корякскому имеются академические грамматики [Скорик 1961; 1977; Жукова 1972]. Алыторский язык привлекает внимание многих авторов (И.С. Вдовин, А.Н. Жукова, И.А. Мельчук, И.А. Муравьева, А.Е. Кибрик, А.А. Мальцева), но монографического описания до сих пор нет; следует упомянуть монографию по паланскому диалекту, входящему в нымыланскую группу [Жукова 1980]. По керекскому языку известно три небольших статьи [Скорик 1968, Володин 1991; 1997]; завершенная мною в соавторстве с А.С. Асиновским работа "Очерки по керекскому языку" (1992) еще не опубликована.

0.2. Демонстрацию конкретного материала начнем с полных парадигм полиперсонального (переходного) глагола по всем четырем языкам, чтобы показать как их общность, так и различия. В качестве примера избран один и тот же глагол "видеть" в форме прошедшего времени, имеющего отрицательную (нулевую) маркировку; таким образом, нижеприводимые глагольные словоформы состоят из корня и лично-числовых показателей².

¹ В работе [Скорик 1958] говорится о чукотско-камчатских языках – четыре вышеупомянутых плюс ительменский, который не родствен чукотско-корякским языкам. Чукотско-камчатская языковая общность – не генетическая, а ареальная, ср. [Georg, Volodin 1999: 224 ff].

² В чукотском различается единственное и множественное число, в корякских языках – также двойственное. Высказано мнение, что противопоставление "двойственное/множе-

Нотация: лицо обозначено цифрой; Sg – ед. ч., Du – дв. ч., Pl – мн. ч.; таким образом, 1Sg – 1 л. ед. ч. (я), 2Du – 2 л. дв. ч. (вы=двое), 3Pl – 3 л. мн. ч. (они) и т.д. Субъектно-объектные конъюнкции обозначаются через косую черту, причем первым всегда стоит агенс, вторым – пациенс; таким образом, 1Sg/2Sg – я – тебя, 3Sg/1Sg – он – меня, и т.д. Омонимичные формы помечаются таким же способом, например:

3Sg/1Sg-3Sg – он/меня-его

2Sg/1Sg-3Sg-1Du-3Du-1Pl-3Pl – ты/меня-его-нас=дв. –их=дв.-нас-их

1Sg-3Sg-1Pl-3Pl/2Pl – я-он-мы-они/вас, и т.д.

	(1) чукотский	(2) корякский
1Sg/2Sg	<i>tə=flu=γət</i>	<i>tə=lhu=γi</i>
1Sg/3Sg	<i>tə=flu=(γle)n</i>	<i>tə=lhu=n</i>
1Sg/2Du		<i>tə=lhu=tək</i>
1Sg/3Du		<i>tə=lhu=net</i>
1Sg/2Pl	<i>tə=flu=tək</i>	<i>tə=lho=la=tək</i>
1Sg/3Pl	<i>tə=flu=net</i>	<i>tə=lhu=new</i>
2Sg/1Sg	<i>ine=flu=γli</i>	<i>ine=lhu=j</i>
2Sg/3Sg	<i>flu=(γle)n</i>	<i>lhu=n</i>
2Sg/1Du		<i>ne=lhu=mək</i>
2Sg/3Du		<i>lhu=net</i>
2Sg/1Pl	<i>flu=iku=γli</i>	<i>na=lho=la=mək</i>
2Sg/3Pl	<i>flu=net</i>	<i>lhu=new</i>
3Sg/1Sg	<i>ine=flu=γli</i>	<i>ine=lhu=j</i>
3Sg/2Sg	<i>ne=flu=γət</i>	<i>ne=lhu=γi</i>
3Sg/3Sg	<i>flu=nin</i>	<i>lhu=nin</i>
3Sg/1Du		<i>ne=lhu=mək</i>
3Sg/2Du		<i>ne=lhu=tək</i>
3Sg/3Du		<i>lhu=nin</i>
3Sg/1Pl	<i>ne=flu=mək</i>	<i>na=lho=la=mək</i>
3Sg/2Pl	<i>ne=flu=tək</i>	<i>na=lho=la=tək</i>
3Sg/3Pl	<i>flu=ninet</i>	<i>lhu=nin</i>
1Pl/2Sg	<i>mət=flu=γət</i>	<i>mətə=lhu=γi</i>
1Pl/3Sg	<i>mət=flu=(γle)n</i>	<i>mətə=lhu=n</i>
1Pl/2Du		<i>mətə=lhu=tək</i>
1Pl/3Du		<i>mətə=lhu=net</i>
1Pl/2Pl	<i>mət=flu=tək</i>	<i>mətə=lho=la=tək</i>

ственное" в корякских языках представляет собой инновацию [Fortescue 1993: 3]; из нижеприводимых парадигм видно, что чукотские формы мн. ч. и формы дв. ч. в корякских языках материально совпадают, тогда как мн. ч. корякских языков не имеет никаких следов в чукотском. Должен подчеркнуть, что при наличии противопоставления "три лица / два числа" парадигма полиперсонального глагола состоит из 28 форм (как, например, в чукотском). Это системное число. В корякских языках системное число для полиперсональной парадигмы – 42 формы. Связано это с тем, что в корякских языках единственное / двойственное / множественное число различают роли S и Pt, поэтому, скажем, в моноперсональной парадигме – 9 личных форм, ср. ниже (6), (8), (10), (12), (14), но роль Ag различает только два числа – единственное / не-единственное: личные местоимения в абсолютном падеже (фактитив) имеют 9 форм, в эргативном падеже (агенс) – только 6. Поэтому предьявляемые иногда в литературе парадигмы из 63 форм (предполагающие, что три числа различают как Pt, так и Ag), несомненно полученные от информантов, следует признать системно некорректными (ср. [Кибрик 1997: 46, табл. 6], также – [Жукова 1972: 252–254]). Корякские языки не нормированы, а информант, как известно, всегда прав. Если же учебник для педучилищ [Жукова 1987] принять за начатки нормирования языка, то там полиперсональные парадигмы включают по 42 формы.

1PI/3PI	<i>mət=ʃlu=net</i>	<i>mətə=ʎhu=new</i>
2PI/1Sg	<i>ine=ʃlu=tək</i>	<i>ine=ʎhu=tək</i>
2PI/3Sg	<i>ʃlu=tkə</i>	<i>ʎhu=tkə</i>
2PI/1Du		<i>ne=ʎhu=mək</i>
2PI/3Du		<i>ʎhu=tkə</i>
2PI/1PI	<i>ʃlu=iku=tək</i>	<i>na=ʎho=la=mək</i>
2PI/3PI	<i>ʃlu=tkə</i>	<i>ʎho=la=tkə</i>
3PI/1Sg	<i>ne=ʃlu=γəm</i>	<i>ne=ʎhu=γəm</i>
3PI/2Sg	<i>ne=ʃlu=γət</i>	<i>ne=ʎhu=γi</i>
3PI/3Sg	<i>ne=ʃlu=(γʎe)n</i>	<i>ne=ʎhu=n</i>
3PI/1Du		<i>ne=ʎhu=mək</i>
3PI/2Du		<i>ne=ʎhu=tək</i>
3PI/3Du		<i>ne=ʎhu=net</i>
3PI/1PI	<i>ne=ʃlu=mək</i>	<i>na=ʎho=la=mək</i>
3PI/2PI	<i>ne=ʃlu=tək</i>	<i>na=ʎho=la=tək</i>
3PI/3PI	<i>ne=ʃlu=net</i>	<i>ne=ʎhu=new</i>
1Sg/2Sg	(3) алюторский	(4) керекский
1Sg/3Sg	<i>tə=ʃlu=γət</i>	<i>tə=ʎhu=j</i>
1Sg/2Du	<i>tə=ʃlu=n</i>	<i>tə=ʎhu=n</i>
1Sg/3Du	<i>tə=ʃlu=tək</i>	<i>tə=ʎhu=tək</i>
1Sg/2PI	<i>tə=ʃlu=nat</i>	<i>tə=ʎhu=nnat</i>
1Sg/2PI	<i>tə=ʃlu=la=tək</i>	<i>tə=ʎhu=la=tək</i>
1Sg/3PI	<i>tə=ʃlu=nawwi</i>	<i>tə=ʎhu=nakku</i>
2Sg/1Sg	<i>ina=ʃlu=j</i>	<i>ina=ʎhu=j</i>
2Sg/3Sg	<i>ʃlu=n</i>	<i>ʎhu=n</i>
2Sg/1Du	<i>na=ʃlu=mək</i>	<i>na=ʎhu=mək</i>
2Sg/3Du	<i>ʃlu=nat</i>	<i>ʎhu=nnat</i>
2Sg/1PI	<i>na=ʃlu=la=mək</i>	<i>na=ʎhu=la=mək</i>
2Sg/3PI	<i>ʃlu=nawwi</i>	<i>ʎhu=nakku</i>
3Sg/1Sg	<i>ina=ʃlu=j</i>	<i>ina=ʎhu=j</i>
3Sg/2Sg	<i>na=ʃlu=γət</i>	<i>na=ʎhu=j</i>
3Sg/3Sg	<i>ʃlu=nin</i>	<i>ʎhu=ni</i>
3Sg/1Du	<i>na=ʃlu=mək</i>	<i>na=ʎhu=mək</i>
3Sg/2Du	<i>na=ʃlu=tək</i>	<i>na=ʎhu=tək</i>
3Sg/3Du	<i>ʃlu=ninat</i>	<i>ʎhu=ninnat</i>
3Sg/1PI	<i>na=ʃlu=la=mək</i>	<i>na=ʎhu=la=mək</i>
3Sg/2PI	<i>na=ʃlu=la=tək</i>	<i>na=ʎhu=la=tək</i>
3Sg/3PI	<i>ʃlu=ninawwi</i>	<i>ʎhu=ninakku</i>
1PI/2Sg	<i>mətə=ʃlu=γət</i>	<i>mət=ʎhu=j</i>
1PI/3Sg	<i>mətə=ʃlu=n</i>	<i>mət=ʎhu=n</i>
1PI/2Du	<i>mətə=ʃlu=tək</i>	<i>mət=ʎhu=tək</i>
1PI/3Du	<i>mətə=ʃlu=nat</i>	<i>mət=ʎhu=nnat</i>
1PI/2PI	<i>mətə=ʃlu=la=tək</i>	<i>mət=ʎhu=la=tək</i>
1PI/3PI	<i>mətə=ʃlu=nawwi</i>	<i>mət=ʎhu=nakku</i>
2PI/1Sg	<i>ina=ʃlu=tək</i>	<i>ina=ʎhu=tək</i>
2PI/3Sg	<i>ʃlu=tkə</i>	<i>ʎhu=ççi</i>
2PI/1Du	<i>na=ʃlu=mək</i>	<i>na=ʎhu=mək</i>
2PI/3Du	<i>ʃlu=tkə</i>	<i>ʎhu=ççi</i>
2PI/1PI	<i>na=ʃlu=la=mək</i>	<i>na=ʎhu=la=mək</i>
2PI/3PI	<i>ʃlu=la=tkə</i>	<i>ʎhu=la=ççi</i>

3Pl/1Sg	<i>na=ʎu=γəm</i>	<i>na=ʎu=m</i>
3Pl/2Sg	<i>na=ʎu=γət</i>	<i>na=ʎu=j</i>
3Pl/3Sg	<i>na=ʎu=n</i>	<i>na=ʎu=n</i>
3Pl/1Du	<i>na=ʎu=mək</i>	<i>na=ʎu=mək</i>
3Pl/2Du	<i>na=ʎu=tək</i>	<i>na=ʎu=tək</i>
3Pl/3Du	<i>na=ʎu=nat</i>	<i>na=ʎu=nnat</i>
3Pl/1Pl	<i>na=ʎu=la=mək</i>	<i>na=ʎu=la=mək</i>
3Pl/2Pl	<i>na=ʎu=la=tək</i>	<i>na=ʎu=la=tək</i>
3Pl/3Pl	<i>na=ʎu=nawwi</i>	<i>na=ʎu=nakku</i>

Комментарий к парадигмам (1)–(4). В чукотском и корякском есть гармония гласных; алломорфы *ine/ena*, *ne/na*, *ʎu/ʎho* представляют собой сингармонические варианты. В алюторском и керекском гармонии гласных нет; интересующая нас морфема реализуется только в вариантах *na*, *ina*.

0.3. Теперь обратимся к словоформам, которые образуются от корней практически любой семантики; в литературе по чукотско-корякским языкам они описываются по-разному и зачисляются в разные части речи. Я предлагаю называть их **п р е д и к а - т и в а м и** и квалифицировать в грамматической системе как функциональный класс **с л о в о ф о р м**, не сводимый к какому-либо традиционному классу **с л о в** (частей речи) [Володин 1991; Kämpfe, Volodin 1995]. В процессе формирования чукотско-корякской грамматической системы предикативы если и не предшествовали финитному глаголу, то, во всяком случае, развивались параллельно с ним. В отличие от финитного глагола, характеризуемого прежде всего категорией модальности (время – наклонение), т.е. способности, наряду с реализом, выражать также ирреалис, предикативы означают только утверждение наличия (или отсутствия) некоторого признака, т.е. исключительно реалис. Всего выделяется 6 формальных группировок предикативов, из которых 5 изменяются по лицам, шестая (отсутствие признака) на это не способна.

Для нашей темы важны предикативы, изменяемые по лицам. Поскольку личная парадигма предикативов единообразна, ограничимся демонстрацией двух формальных группировок на материале двух языков: чукотского и корякского.

0.3.1. Предикативы типа "быть" – образуются от корней предметной (класс N), качественной (класс A) и процессуальной семантики (класс V).

(5) чукотский
kəmiŋən "ребенок"

1Sg	<i>kəmiŋə=j=γəm</i>	<i>kəmiŋə=j=γəm</i>
2Sg	<i>kəmiŋə=j=γət</i>	<i>kəmiŋə=j=γi</i>
3Sg	<i>kəmiŋə=n</i>	<i>kəmiŋə=n</i>
1Du		<i>kəmiŋə=muji</i>
2Du		<i>kəmiŋə=tuji</i>
3Du		<i>kəmiŋə=t</i>
1Pl	<i>kəmiŋə=muri</i>	<i>kəmiŋə=muju</i>
2Pl	<i>kəmiŋə=turi</i>	<i>kəmiŋə=tuju</i>
3Pl	<i>kəmiŋə=t</i>	<i>kəmiŋə=ɯ</i>

(7) чукотский
nermeqin "сильный"

1Sg	<i>n=erme=j=γəm</i>	<i>nə=kerɣu=j=γəm</i>
2Sg	<i>n=erme=j=γət</i>	<i>nə=kerɣu=j=γi</i>
3Sg	<i>n=erme=qin</i>	<i>nə=kerɣu=qin</i>
1Du		<i>nə=kerɣu=muji</i>
2Du		<i>nə=kerɣu=tuji</i>
3Du		<i>nə=kerɣu=qinet</i>

1PI	<i>n=erme=muri</i>	<i>nə=kerɣu=muju</i>
2PI	<i>n=erme=turi</i>	<i>nə=kerɣu=tuju</i>
3PI	<i>n=erme=qinet</i>	<i>nə=kerɣu=qinew</i>

Предикативы типа "быть" от процессуальных корней в специальной литературе обычно трактуются как глагольные формы ("настоящее II"). В традиции описания корякского языка "настоящее II" не выделяется. Информант, разумеется, без усилия выдаст просимую парадигму; но проверка корякских текстов показывает, что эти формы настолько редки, что их можно считать исключениями. С другой стороны, в алюторском и керекском "настоящее II" выделяется, поэтому в данном случае чукотский материал сопоставляется с керекским:

	(9) чукотский	(10) керекский
	<i>ɕejwə=k</i> "ходить"	<i>laju=k</i> "ходить"
1Sg	<i>nə=ɕejw=i=ɣəm</i>	<i>nə=laju=j=əm</i>
2Sg	<i>nə=ɕejw=i=ɣət</i>	<i>nə=laju=j=əj</i>
3Sg	<i>nə=ɕejwə=qin</i>	<i>nə=laju=qi</i>
1Du		<i>nə=laju=məəj</i>
2Du		<i>nə=laju=təəj</i>
3Du		<i>nə=laju=qinnat</i>
1PI	<i>nə=ɕejwə=muri</i>	<i>nə=laju=məikku</i>
2PI	<i>nə=ɕejwə=turi</i>	<i>nə=laju=təikku</i>
3PI	<i>nə=ɕejwə=qinet</i>	<i>nə=laju=qinnakku</i>

0.3.2. Предикативы типа "иметь" – образуются от корней предметной (класс N) и процессуальной семантики (класс V). Если предикативы типа "быть" приписывают признак непосредственно субъекту ("ребенок=я", "сильный=я", "ходящий=я", т.е. "хожу=я", ср. парадигмы (5)–(10)), то предикативы типа "иметь" означают обладание признаком как результат ("ребенком / детьми=обладаю=я", "хождением=обладаю=я", т.е. "ушел=я", ср. ниже, парадигмы (11)–(14)). Эти формы от корней класса V трактуются как глагольные ("прошедшее II"), от корней класса N – как "форма лица имени обладателя данным предметом" (для чукотского – [Скорик 1961: 216]) или как "относительное прилагательное" (для корякского – [Жукова 1972: 156]). Следует подчеркнуть, что в чукотско-корякских языках это единственный способ выражения *haveo*-конструкции.

	(11) чукотский	(12) корякский
	<i>kəmiŋən</i> "ребенок"	
1Sg	<i>ɣe=kmiŋ=i=ɣəm</i>	<i>ɣa=kmiŋ=i=ɣəm</i>
2Sg	<i>ɣe=kmiŋ=i=ɣət</i>	<i>ɣa=kmiŋ=i=ɣi</i>
3Sg	<i>ɣe=kmiŋə=fin</i>	<i>ɣa=kmiŋə=lin</i>
1Du		<i>ɣa=kmiŋə=muji</i>
2Du		<i>ɣa=kmiŋə=tuji</i>
3Du		<i>ɣa=kmiŋə=linat</i>
1PI	<i>ɣe=kmiŋə=muri</i>	<i>ɣa=kmiŋə=muju</i>
2PI	<i>ɣe=kmiŋə=turi</i>	<i>ɣa=kmiŋə=tuju</i>
3PI	<i>ɣe=kmiŋə=finet</i>	<i>ɣa=kmiŋə=linaw</i>
	(13) чукотский	(14) корякский
	<i>ɕejwək</i> "ходить"	<i>lejvək</i> "ходить"
1Sg	<i>ɣe=ɕejw=i=ɣəm</i>	<i>ɣe=lejv=i=ɣəm</i>

2Sg	$\gamma e = \zeta ejw = i = \gamma \dot{e} t$	$\gamma e = lejv = i = \gamma i^3$
3Sg	$\gamma e = \zeta ejw \dot{a} = j \dot{e} n$	$\gamma e = lejv \dot{a} = l \dot{e} n$
1Du		$\gamma e = lejv \dot{a} = m u j i$
2Du		$\gamma e = lejv \dot{a} = t u j i$
3Du		$\gamma e = lejv \dot{a} = l i n e t$
1Pl	$\gamma e = \zeta ejw \dot{a} = m u r i$	$\gamma e = lejv \dot{a} = m u j u$
2Pl	$\gamma e = \zeta ejw \dot{a} = t u r i$	$\gamma e = lejv \dot{a} = t u j u$
3Pl	$\gamma e = \zeta ejw \dot{a} = j i n e t$	$\gamma e = lejv \dot{a} = l i n e w$

От корней семантического класса А предикативы типа "иметь" непосредственно образованы быть не могут. Возможна только вторичная деривация посредством вербализатора, ср. чук. $n \dot{a} = m e j \dot{a} \eta - q i n$ "большой=он" > $m e j \dot{a} \eta + t w i > m e j \dot{a} \eta = t w i = l$ "стать=большим" > $\gamma e = m e j \dot{a} \eta = t w i = j i n$ "большим=стал=он", и т.д.; то же в корякских языках.

0.4. Демонстрация парадигматического материала имеет целью подчеркнуть различия между предикативами (функциональный класс словоформ) и финитным глаголом (функциональный и формальный класс словоформ, т.е. часть речи). Для нашей темы этого достаточно. Дальнейшие иллюстрации приводятся в ходе изложения.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

1.1. Соотношение экспонента морфемы и ее позиции – одна из принципиальных проблем общей морфологии. В первых эксплицитных моделях позиционной грамматики (или грамматики порядков) утверждалось, что последовательность значимых элементов (морфем) в словоформе стабильна [Глисон 1959; Ревзин, Юлдашева 1969]. Отсюда следовало, что позиция элемента неизмеримо важнее, чем его экспонент: наличие в конкретной цепочке двух (или более) элементов с одинаковым экспонентом, но в разных (иногда принципиально разных, т.е. левее и правее корня) позициях должно означать, что мы имеем дело с разными (омонимичными) морфемами. Распространение приемов позиционного анализа на материал языков, иногда определяемых как полисинтетические (например, эскалеутские) показало, что морфема может менять позицию, сохраняя свое значение, но при этом меняется содержание высказывания, заключенного в цепочке словоформы. Речь идет исключительно о необязательных морфемах деривационного типа. Такое явление было квалифицировано как относительно свободный порядок следования морфем [Асиновский, Володин, Головкин 1987]. Рассматриваемый в настоящей работе казус *inelena* подобной квалификации не поддается. Во-первых, *inelena* не относится к числу деривационных морфем – это элемент обязательный. Во-вторых, *inelena* позиции не меняет – этот элемент занимает разные позиции, как левее корня (префиксальные), так и правее корня (суффиксальные). Проблема состоит в том, чтобы решить – одна это морфема или это разные морфемы.

1.2. Предельно обобщенная максимальная линейная модель чукотско-корякской словоформы может быть представлена так:

$$(15) (m) + (r) + R + (m)$$

Нотация: R – корень, образующий словоформу; (m) – служебная морфема, аффикс, без различия обязательных/необязательных; скобки означают, что этих элементов в цепочке может быть более одного; (r) – корневая морфема, которая может быть добавлена в

³ Морфологический сегмент *i/j* в формах 1Sg и 2Sg имеет строевой характер и грамматическим значением не обладает. В этой позиции, перед */γ/*, он встречается во всех чукотско-корякских языках, даже в тех случаях, где */γ/* в силу внутренних причин утрачен, как например в керекском, ср. парадигму (10).

словоформу при условии наличия R. Скобки означают то же, что и в предыдущем случае: количество элементов типа (г) в словоформе теоретически не ограничено. Выделение (г) в модели указывает на возможность композиции (сложные слова) и инкорпорации как частного случая реализации композитивного механизма.

Раскроем отчасти скобки, чтобы указать на позиции, занимаемые морфемой *inelena* в максимальной модели. Алломорфы *inelena* представляют собой сингармонические варианты; в нижеследующем изложении я избираю в качестве экспонента алломорфу *ine*:

(16) $(i)ne + (m) + ine + R + (m) + in(e) + (m)$

Из (16) следует, что *inelena* фиксируется в модели словоформы трижды: два раза левее корня и один раз – правее. Эта морфема может занимать терминальные (крайние) позиции в цепочке – левую (в любом случае) и правую – не всегда, справа она может быть "прикрыта" другой морфемой, о чем см. ниже, 2.1. Занимая терминальные позиции, *inelena* теряет гласные (левую и правую соответственно), приобретает вид *ne/na* (левая позиция), *in/en* (правая позиция). Это связано с особенностями слоговой структуры чукотско-корякских словоформ, выступающих в функции предиката, ср. ниже, 5.

1.3. Для того, чтобы различать позиционно разные *inelena*, маркируем их цифровыми индексами:

(16a) $(i)ne_3 + (m) + ine_2 + R + (m) + in(e)_1 + m$

Подобный, странный на первый взгляд, способ индексации справа налево – имеет диахронические основания и связан с развиваемой мною концепцией формирования чукотско-корякской грамматической системы (ср. выше, 0.3). Из сопоставления (16) и (16a) видно, что *ine_2* занимает в модели словоформы позицию (г). Это значит, что если в конкретной словоформе присутствует *ine_2* – в нее ничего инкорпорировать нельзя; ср. ниже, 3.6.

Морфема *inelena* фиксируется исключительно в словоформах, функционирующих как предикат, т.е. в финитном глаголе – парадигмы (1)–(4) и в предикативах – парадигмы (5)–(14). Фиксация *inelena* в словоформах, функционирующих как актанта, ср. чук. *ena* = *ʃotkoŋarɨp* "выборы", кор. *ine* = *wenetineŋ* "отвертка" – представляет случай вторичной (именной) деривации от корней семантического класса V, осложненных морфемой *inelena*.

Теперь мы можем обратиться к рассмотрению конкретного материала.

2. INE₁

2.1. Этот морфологический сегмент может быть выделен только при диахроническом анализе. Он усматривается в формах 3 л. у предикативов – парадигмы (5)–(14), в четырех формальных группировках из шести (ср. 0.3). Ограничимся здесь данными чукотского языка (в корякских языках ситуация аналогичная):

(17)	1. $n=erme=qin=\emptyset$	"сильный=он"
	2. $\gamma a=qora=jen=\emptyset$	"обладающий=оленсм/=ями=он"
	3. $emnaŋ=kin=\emptyset$	"имеющий=отношение=к=тундре=он"
	4. $riquk=in=\emptyset$	"принадлежащий=песцу=он"

Выше – п. 0.3.1-2 – были приведены личные парадигмы предикативов типа "быть" (17.1) и "иметь" (17.2); такие же парадигмы могут быть построены для релятивных (17.3) и посессивных (17.4) предикативов. Членение в (17) синхронное, задан-

ное традицией, идущей от В.Г. Богораза, основоположника чукотско-корякского языкознания. Я позволил себе только прибавить нулевой показатель единственного числа; тем не менее, в данном случае интересующий нас морфологический сегмент занимает фактически правую терминальную позицию и поэтому выступает в виде *in/en*. В формах множественного числа, "прикрываемых" справа показателем *-t*, восстанавливается *inelena*:

(17a)	1. $n=erme=q=ine=t$	"сильные=они"
	2. $\gamma a=qora=j=en a=t$	"обладающие=оленом/=ями=они"
	3. $emnu\eta=k=ine=t$	"обладающие=отношение=k=тундре=они"
	4. $riquk=ine=t$	"принадлежащие=песцу=они"

2.2. Этимология выделенных в (17a) морфологических сегментов *q*, *j*, *k* в настоящее время еще не ясна. На морфологический сегмент *inelena* в рассматриваемых формах впервые обратила внимание Жукова при описании корякского языка, возможно, потому, что она причислила все эти формы к классу "имени прилагательного" [Жукова 1972: 144–145]. Упомянуто лишь о "материальной общности словообразовательных аффиксов", но это беглое замечание следует считать принципиально важным для понимания эволюции чукотско-корякской грамматической системы. Скорик специально не указывал на это обстоятельство (опять-таки, скорее всего потому, что в его описании чукотского языка предикативы, имеющие *ine*₁, попали в разные классы).

Эскимолог М. Фортеस्कью, в последние годы предпринимая сравнительные исследования в области чукотско-корякских языков, обратил внимание на морфологический сегмент *inelena* в составе показателей *=kine*, *=line* (транскрипция автора). Правда, в построениях Фортеस्कью есть очень много спорного, но насчет *inelena* им предложена удачная, на мой взгляд, формулировка исходного значения этого элемента: "pertaining to" ("имеющий отношение к") [Fortescue 1993: 19, footnote 16].

Воспользовавшись этой формулой, мы можем определить значение *inelena* в вышеприведенных примерах как

- 17.1. и м е е т о т н о ш е н и е к признаку ('я емь то-то и то-то'),
- 17.2. к обладанию признаком или предметом ('я имею то-то и то-то'),
- 17.3. к опосредованной связи между субъектом и предметом / местом / временем ('я имею отношение к тому-то и к тому-то'),
- 17.4. к непосредственной связи между субъектом и предметом ('я принадлежу тому-то и тому-то').

2.3. Обобщая эти реализации, можно сказать так: *ine*₁ и м е е т о т н о ш е н и е к в ы р а ж е н и ю п р е д и к а т а. В этом случае выделенные в (17a) морфологические сегменты *q*, *j*, *k* служат, по всей видимости, целям конкретизации характера предикативной связи; в последнем случае (17.4) *ine*₁ выступает, так сказать, "в чистом виде". К семантике корня *ine*₁ безразличен: предикативы типа "быть" (17.1) свободно образуются от предметных, качественных и процессуальных корней – парадигмы (5)–(10), предикативы типа "иметь" (17.2) – от предметных и процессуальных корней – парадигмы (11)–(14). Релятивные предикативы на *-kin(e)* (17.3) также образуются от предметных, локальных, темпоральных и процессуальных корней. Последнее широко представлено в корякском, ср.: *jeŋuŋeŋə=kɨn* "учебный", *jəŋlə=kɨn* "метательный, тот, который бросают", *jəlqet=kɨn* "спальный" и т.д. [Жукова 1972: 161, переводы авторские. – А.В.]. В чукотском, напротив, подобные формы единичны. Характерный пример – синтагма *miŋʔiŋ ʃimʔlu=kɨn* "работа для ума" ("работа чтобы=думать"). Посессивные предикативы на *-in(e)* (17.4) от корней призначной семантики (качественная и процессуальная) не образуются.

3.1. Этот морфологический сегмент фиксируется прежде всего в личных парадигмах полиперсонального глагола, ср. выше (1)–(4), как префикс объекта 1Sg ("меня"). Во всех чукотско-корякских языках формы, содержащие *ine*₂, встречаются в парадигме трижды (ограничусь здесь данными чукотского и корякского):

(18)	чукотский	корякский	
2Sg/1Sg	<i>ine=fɭu=ɣli</i>	<i>ine=lhu=j</i>	"меня=увидел=ты"
3Sg/1Sg	<i>ine=fɭu=ɣli</i>	<i>ine=lhu=j</i>	"меня=увидел=он"
2Pl/1Sg	<i>ine=fɭu=tək</i>	<i>ine=lhu=tək</i>	"меня=увидели=вы"

Из (18) видно, что формы 2Sg/1Sg и 3Sg/1Sg омонимичны, в том числе и у моноперсонального глагола, ср. чук. *cejwə=ɾkən* кор. *ku=le=ŋ* "ты = идешь/он = идет". Такова система личной дифференциации чукотско-корякского финитного глагола в неимперативе; к нашей теме это отношения не имеет, ср., впрочем, ниже, 4.5.2.

Те же формы, что приведены в (18), трактуются в другом месте описания чукотского языка как формы "общеобъектного залога" [Скорик 1977: 115–116]. Парадигма этого "залога" – типичная парадигма моноперсонального глагола, состоящая из 6 личных форм:

(19)	чукотский	
1Sg	<i>t=ine=fɭu=ɣle=k</i>	"я=(кого-то)=увидел"
2Sg	<i>ine=fɭu=ɣli</i>	"ты=(кого-то)=увидел"
3Sg	<i>ine=fɭu=ɣli</i>	"он=(кого-то)=увидел"
1Pl	<i>mət=ine=fɭu=mək</i>	"мы=(кого-то)=увидели"
2Pl	<i>ine=fɭu=tək</i>	"вы=(кого-то)=увидели"
3Pl	<i>ine=fɭu=ɣle=t</i>	"они=(кого-то)=увидели"

В корякских языках ситуация абсолютно такая же, с тем отличием, что моноперсональный глагол имеет 9 форм (ср. сноску 2).

3.2. Богораз трактовал *ine*₂ как словообразовательный показатель (детранзитиватор) [Богораз 1937: XII]. Таким же образом трактуется *ine*₂ при описании корякского языка [Жукова 1972: 226–227]; Скорик, как мы видели, предлагает свою трактовку. Для него префикс *ine/ena* – несомненный показатель объекта 1 л. ед.ч. [Скорик 1977: 43], тогда как Богораз полагал, что в чукотском (и в корякском) полиперсональном глаголе специализированных форм с объектом 1 л. ед. ч. нет, вместо них используются интранзитивные формы. Жукова, анализируя корякскую полиперсональную парадигму, говорит об *ine*₂ следующее:

"Если учитывать общее значение префикса инэ/эна, действие, выраженное переходным глаголом, представляется как непереходное, если объект действия – 1-е лицо единственного числа. Говорящий как бы выключает себя из числа объектов" [Жукова 1972: 254] (выделено мною. – А.В.).

Из уже сказанного об *ine*₂, по-видимому, ясно, что чукотско-корякская полиперсональная парадигма, во всяком случае, формально неоднородна. Говоря об "общем значении" *ine*₂, Жукова подразумевает именно его словообразовательный, деривативный характер (а это значит, что *ine*₂ структурно необязателен). Все это так. Лексикализованные дериваты с *ine*₂ фиксируются словарями, ср. чук. *ine=piri=k* "получать приз, награду" (< *piri=k* "брать что-л."), кор. *ine=lle=k* "руководить" (< *jale=k* "водить кого-л."), и т.д. Тем не менее на запрос: как сказать "ты/он/вы" (переходный глагол) – меня"? – информант, носитель любого чукотско-корякского языка, даст формы типа (18).

3.3. Б. Комри предпринял собственное исследование чукотско-корякской полиперсональной парадигмы (о чем специально см. ниже, 4.3) и, в частности, сделал вывод, что формы с *ine*₂, сравнительно с другими личными формами, "не могут считаться членами одной морфологической серии" [Comrie 1980: 68]. Эти формы он определяет как "псевдотранзитивные" и, рассматривая их употребление в полиперсональной парадигме "на фоне общего детранзитивизирующего процесса", полагает, что они не так уж и специализированы (в роли выразителя объекта именно 1 л. ед.ч.), как можно думать [Там же: 71]. Он привлекает к рассмотрению формы "настоящего II", где также отмечается *ine*₂, т.е. предикативы типа "быть" от полиперсонального глагола.

Парадигма моноперсонального глагола для чукотского приведена выше, см. (9); ей сопоставлена керекская парадигма (10), поскольку в корякском она не выделяется. Формы 3 л. маркированы показателем *in(e)*₁, в керекском редуцированным до *=i*, ср. *nə=laju=q=i=∅* "он ходит", ср. нетерминальную позицию: 3Du *nə=laju=q=inna=t*, 3Pl *nə=laju=q=inna=kku*. Правые терминальные показатели составляют лично-числовую парадигму; в (9) и (10) они ассоциированы с ролью S (субъект).

Предикативы от полиперсонального глагола предполагают парадигму из 28 конъюнкций плана содержания (в чукотском, см. парадигму (1)), но на них приходится всего 14 материально различных форм. Приводим ее целиком, спрягается тот же глагол "видеть":

(20) чукотский	
1. <i>n=ine=flu=j=γəm</i>	1Sg/2Sg-3Sg-2Pl-3Pl
2. <i>n=ine=flu=j=γət</i>	2Sg/1Sg-3Sg-3Pl
3. <i>n=ine=flu=q=in=∅</i>	3Sg/1Sg-3Sg
4. <i>n=ine=flu=muri</i>	1Pl/2Sg-3Sg-2Pl-3Pl
5. <i>n=ine=flu=turi</i>	2Pl/1Sg-3Sg-3Pl
6. <i>n=ine=flu=q=ine=t</i>	3Sg/3Pl
7. <i>nə=flu=tku=j=γət</i>	2Sg/1Pl
8. <i>nə=flu=tku=turi</i>	2Pl/1Pl
9. <i>nə=flu=j=γəm</i>	3Pl/1Sg
10. <i>nə=flu=j=γət</i>	3Sg-3Pl/2Sg
11. <i>nə=flu=q=in=∅</i>	3Pl/3Sg
12. <i>nə=flu=muri</i>	3Sg-3Pl/1Pl
13. <i>nə=flu=turi</i>	3Sg-3Pl/2Pl
14. <i>nə=flu=q=ine=t</i>	3Pl/3Pl

Формы (20.1–6) маркированы показателем *ine*₂, играющим роль указания на объект без лично-числовой специализации; особенно ярко демонстрируют это формы (20.1) и (20.4), отражающие все возможные в данных случаях субъектно-объектные конъюнкции. В формах 2 л. ситуация сложнее: для конъюнкций 2Sg/1Pl и 2Pl/1Pl в чукотском имеются специальные моносемантические формы, маркированные показателем *tku/tko*, см. (20.7–8), ср. парадигму (1)⁴. Необходимо также подчеркнуть, что в формах (20.1–8) правые терминальные показатели ассоциированы с ролью Ag (агенса).

Формы (20.9–14) не маркированы ничем и по морфемному составу ничем не отличаются от форм парадигмы (9). В этих формах правые терминальные показатели ассоциированы с ролью Pt (пациенс).

3.4. Привлечем к рассмотрению соотносительные данные керекского языка, где такие предикативы есть, ср. парадигму (10). В описании Скорика полиперсональный

⁴ Суффикс *tku/tko* в корякских языках в этой функции не используется, ср. парадигмы (2)–(4), он существует только как деривативный (словообразовательный) элемент. Ср. также ниже, 4.3.

глагол в "настоящем II" (предикативы типа "быть") имеет 16 личных форм [Скорик 1968: 323–327], в моих полевых материалах – 18. Затруднительно сказать, какая именно парадигма более адекватна, но склонен думать, что по системным соображениям цифра 18 предпочтительнее: 9 форм маркированы показателем *ine*₂ (в керек. *ina*), 9 форм – не маркированы, как в чукотском, где таких форм по 6, ср. (20), а формы с *tku* в керекском отсутствуют. Не вижу смысла приводить эту громоздкую парадигму целиком: читателю достаточно заменить в (10) корень =*laju* = "ходить" на =*kithu* = "вспоминать", чтобы получить формы, не маркированные *ine*₂; личные показатели в этих формах ассоциированы с ролью Pt, как и формы (20.9–14) в чукотском. Форму типа *nə=kithu=j=əm* моя информантка Хаткана трактовала: "меня вспоминает кто-то" (т.е. любой возможный агент – в данном случае это 2Sg–3Sg–2Pl–3Pl). С другой стороны, форму типа *n=ina=kithu=j=əm* Хаткана трактовала как "я вспоминаю кого-то" (возможен пациенс 2Sg–3Sg–2Du–3Du–2Pl–3Pl). Показателем *ine*₂ маркируются также все 9 форм; в данном случае личные показатели ассоциированы с ролью Ag, а *ine*₂ выступает как общее указание на объект⁵.

Анализируя чукотскую парадигму "настоящего II" от полиперсональных глаголов, Скорик пишет об *ine*₂ как об "универсальном показателе объекта" [Скорик 1977: 64]. Керекские данные согласуются с этой характеристикой. В свете предлагаемой мною концепции формирования чукотско-корякской грамматической системы (ср. выше 0.3) допустимо предположение, что в (20) мы наблюдаем диахронически первичный случай использования *ine*₂ в качестве маркера объекта.

3.5. От полиперсональных глаголов могут быть образованы также формы предикативов типа "иметь", ср. выше парадигмы (13), (14). В чукотском на 28 конъюнкций плана содержания приходится 11 форм, привожу их все (глагол "видеть"):

(21) чукотский

1. $\gamma=ine=f\lambda u=j=\gamma\alpha m$	2Sg/1Sg
2. $\gamma=ine=f\lambda u=j=in=\emptyset$	3Sg/1Sg
3. $\gamma=ine=f\lambda u=turi$	2Pl/1Sg
4. $\gamma e=f\lambda u=tku=j=\gamma\alpha t$	2Sg/1Pl
5. $\gamma e=f\lambda u=tku=turi$	2Pl/1Pl
6. $\gamma e=f\lambda u=j=\gamma\alpha m$	3Pl/1Sg
7. $\gamma e=f\lambda u=j=\gamma\alpha t$	1Sg–3Sg–1Pl–3Pl/2Sg
8. $\gamma e=f\lambda u=j=in=\emptyset$	1Sg–2Sg–3Sg–1Pl–2Pl–3Pl/3Sg
9. $\gamma e=f\lambda u=muri$	3Sg–3Pl/1Pl
10. $\gamma e=f\lambda u=turi$	1Sg–3Sg–1Pl–3Pl/2Pl
11. $\gamma e=f\lambda u=j=ine=t$	1Sg–2Sg–3Sg–1Pl–2Pl–3Pl/2Pl

Как и в (20), личные показатели в формах, не маркированных ничем, ассоциированы с ролью Pt: формы (21.6–11); в маркированных формах – с ролью Ag: формы (21.1–5), причем суффиксом *tku* маркированы те же конъюнкции, что в парадигмах (1) и (20), а префиксом *ine*₂ – те же, что в парадигме (1), у финитного глагола. Таким образом,

⁵ На 9 керекских форм, не маркированных *ine*₂, приходится 42 конъюнкции плана содержания – системное число, ср. сноску 2. Однако 9 формам, которые маркированы *ine*₂, соответствует 63 конъюнкции плана содержания, число также системное, ср. там же. Связано это с тем, что личные показатели ассоциированы с ролью Ag, поэтому формы типа *n=ina=kithu=məj*, *n=ina=kithu=təj*, *n=ina=kithu=q=inna=t* означают соответственно 1Du–2Du–3Du/любой допустимый Pt, 6 + 6 + 9 = 21 конъюнкция. Скорик обращает специальное внимание на это: "в формах настоящего II переходных глаголов получают выражение не два, а три грамматических числа субъекта действия" [Скорик 1968: 327]. Факт в чукотско-корякских языках, возможно, единственный: в корякском аналогичных форм нет, а собственных данных по алюторскому я, к сожалению, не имею.

здесь *ine*₂ выступает уже как специализированный показатель объекта "меня". Характерно, что в корякских языках предикативы "иметь" от полиперсональных глаголов обходятся без маркера *ine*₂. Личная парадигма состоит из 9 форм, как и у моноперсонального глагола; правые терминальные показатели в первом случае ассоциированы с ролью S, ср. парадигму (14), во втором – с ролью Pt, это типично эргативная схема. Приводить всю парадигму вряд ли целесообразно: в (14) достаточно заменить корень *=leju(ə)=* "ходить" на *=lhu=* "видеть", чтобы получить желаемый результат; поэтому приведу лишь несколько примеров:

- (22) корякский
1. <i>ye=lhu=j=yəm</i>	2Sg-3Sg-2Pl-3Pl/1Sg
2. <i>ye=lhu=j=yi</i>	1Sg-3Sg-1Pl-3Pl/2Sg
3. <i>ye=lhu=l=ine=i</i>	1Sg-2Sg-3Sg-1Pl-2Pl-3Pl/3Du
4. <i>ye=lhu=l=ine=w</i>	1Sg-2Sg-3Sg-1Pl-2Pl-3Pl/3Pl
- и т.д., все 42 конъюнкции плана содержания.

При этом нельзя не отметить, что в финитном глаголе *ine*₂ во всех чукотско-корякских языках фиксируется в одних и тех же конъюнкциях, ср. (1)–(4), также (18). Все эти факты наводят на мысль, что а) система предикативов от полиперсональных глаголов в чукотском и в корякских языках складывалась несколько различно⁶, но формирование системы финитного глагола подчинялось каким-то иным правилам, более общим для всей языковой группы⁷, б) специализация *ine*₂ в финитном глаголе как показателя объекта именно 1Sg – явление инновативного характера.

3.6. Все авторы, занимавшиеся этой проблемой, пишут об *ine*₂: "детранзитиватор", "псевдотранзитив", "антипассив" и другие подобные слова. Введение *ine*₂ в словоформу превращает полиперсональный глагол в моноперсональный – по формальным признакам, по типу спряжения, ср. (19). Но семантически глагол остается переходным, он замыкает объектную валентность "на себя": *ine*₂ указывает на любой объект, который в случае необходимости может быть актуализован, ср. чук.:

- (23) чукотский
1. <i>tə=yənretə=rkə=net</i>	"я=охраняю=их" (V _{itr}) >
2. <i>t=ine=yənretə=rkən</i>	"я=кого-то=охраняю" (V _{itr}) >
3. <i>tə=qaa=yənretə=rkən</i>	"я=олений=охраняю" (<i>ine</i> ₂ уступает свое место инкорпорированному объекту). В последнем случае становится возможной дальнейшая деривация инкорпоративного типа, например: >
4. <i>t=arma=qaa=yənretə=rkən</i>	"я=сильных=олений=охраняю" >
5. <i>tə=ŕəan=arma=qaa=yənretə=rkən</i>	"я=четырех=сильных=олений=охраняю"

Среди чукотско-корякских предикативов есть группировка предикативов обладания, маркированных показателем *ʃʔə* (чук.), *lhə* (кор.); они не имеют маркера *ine*₁. От моноперсональных глаголов они образуются непосредственно, ср. чук. *ʃəjwə=k* "ходить" > *>ʃəjwə=ʃʔə=n* "ходящий=он, обладающий=способностью=ходить=он", *miŕçiretə=k* "работать" > *miŕçiretə=ʃʔə=n* "работающий=он", и т.д. От полиперсональных глаголов типа чук. *ʃʔu=k* "видеть кого-л." возможна только деривация при посредстве

⁶ Парадигмы типа корякской (22) характерны для всех корякских языков, в том числе для керекского. Наличие в керекском парадигмы типа чукотской (20) объясняется, скорее всего, контактными причинами: кереки, племя малочисленное, всегда имели вторым языком чукотский и были ассимилированы чукчами.

⁷ Надо заметить, что маркер *ine*₂ в парадигму финитного глагола корякских языков вошел, однако *tku* (ср. выше сноску 4) корякская система "не пустила" (ср. также ниже, 4.1).

*ine*₂: *ine=ʃu=ʃʔə=n* "видящий=кого-л.=он", *peʃa=k* "покидать кого-л." > *ena=peʃa=ʃʔə=n* "покидающий=кого-л.=он", и т.д. Как и в финитном глаголе, в этих формах *ine*₂ может быть при необходимости актуализован: *tomʃa=peʃa=ʃʔə=n* "товарищей=покидающий=он", и т.д.⁸

3.7. Что касается использования *ine*₂ в функции показателя объекта 1Sg, то интерпретация этого факта связана с исследованием общей системы финитного (полиперсонального) глагола. Цитированное выше замечание Жуковой: "говорящий как бы выключает себя из числа объектов" – представляется весьма точным и глубоким, но дальнейшего развития оно не получило; видимо, потому, что первой задачей автора было синхронное описание грамматики корякского языка. Повторяю, что это замечание справедливо для всех чукотско-корякских языков.

Дальнейший анализ *ine*₂ теснейшим образом связан с *ine*₃, к которому мы и обратимся.

4. *INE*₃

4.1. Как явствует из (16а), этот морфологический сегмент занимает левую терминальную позицию и поэтому имеет вид *ne/na* (ср. ниже, 5.1). У предикативов *ine*₃ не фиксируется, это исключительно принадлежность финитного глагола. Левая терминальная позиция в словоформе финитного глагола занята показателями лица (у моноперсонального глагола это лицо S, у полиперсонального – Ag: номинативно-аккузативная схема глагольного согласования; отмечаю это как бы на полях, поскольку к теме это прямого отношения не имеет). В чукотском префиксом *ine*₃ маркировано 9 форм:

(24)	чукотский	
	<i>ne=ʃu=ʔət</i>	3Sg/2Sg
	<i>ne=ʃu=mək</i>	3Sg/1Pl
	<i>ne=ʃu=tək</i>	3Sg/2Pl

Тем же префиксом маркированы все 6 форм агентивной группы 3Pl, ср. парадигму (1). В корякских языках *ine*₃ отмечается в тех же конъюнкциях, ср. парадигмы (2)–(4), но, кроме того, также в агентивных группах 2Sg и 2Pl, которые в чукотском маркированы суффиксом *tku*; сопоставим здесь чукотские и корякские данные:

(25)	чукотский	корякский	
		<i>ne=lhu=mək</i>	2Sg/1Du
	<i>ʃu=tku=ʔti</i>	<i>na=lho=la=mək</i>	2Sg/1Pl
		<i>ne=lhu=mək</i>	2Pl/1Du
	<i>ʃu=tku=tək</i>	<i>na=lho=la=mək</i>	2Pl/1Pl

Как видим, корякские формы различают Du/Pl объекта, но по агенсу (2Sg/2Pl) омонимичны, так же в алюторском и керекском, ср. парадигмы (3), (4).

4.2. Представляется полезным рассмотреть линейное распределение грамматической информации в словоформе финитного глагола чукотско-корякских языков. С уче-

⁸ Предикативы обладания составляют пятую формальную группировку чукотско-корякских предикативов, ср. выше 0.3; они изменяются по лицам, ср. парадигмы (5)–(14). При этом если форма образована от моноперсонального глагола, личные показатели ассоциированы с ролью S (чук. *miʃʃireʔə=ʃʔ=i=ʔət* "работающий=я"), если глагол полиперсональный – с ролью Ag (чук. *ine=ʃu=ʃʔə=i=ʔət* "кого-то=видящий=я"). При отсутствии *ine*₂ следует ожидать, что личные показатели будут ассоциированы с ролью Pt, как у всех предикативов, ср. парадигмы (20)–(22). В чукотском подобная деривация запрещена; в корякском она распространена очень мало – известно только 4 примера [Жукова 1972: 137, 142]: *təmə=lhə=n* "убитый/=о", и т.д., ср. *təvə=lhə=n* "побежденный=он" – *ena=lvatə=lhə=n* "победивший=он", "победитель".

том выделяемой специально морфемы *ine/ena*, ср. (16а), модель словоформы биинтерсонального глагола (без деривационных морфем) имеет следующий вид:

$$(26) \quad P_{Ag/ine_3} + T/M + ine_2 + R + tku + la + P_{Obj/ine_1} + P_{Ag}/Num$$

Нотация: Р – лицо, Т – время, М – наклонение, А – вид, Num – число. Позиция *la* отмечается только в корякских языках, ср. (25), также парадигмы (2)–(4): это специальный плюрализатор, ассоциированный с ролями S и Pt (эргативная схема), предикативы его не имеют. В парадигме финитного глагола *ine₂* выражает объект 1Sg, *tku* – объект 1Pl (последнее – только в чукотском). В позиции P_{Obj} фиксируется *ine₁*, о чем специально см. ниже, 4.5.

Из (26) следует также, что агентс (левая терминальная позиция) выражается альтернативно показателями лица⁹ и маркером *ine₃*, имеющим вид *ne/na*. Последний показателем лица не является, поскольку маркирует агентс 3Pl (всегда), 3Sg (не во всех случаях, ср. (24)) и 2Sg, 2Pl (только в корякских языках, также не во всех случаях, ср. (25)). Кроме того, *ine₃* отсутствует у моноперсонального глагола – он там и не нужен, как явствует из нижеследующего, ср. 4.3. Эта проблема впервые специально исследована в работе [Comrie 1980].

4.3. Комри предлагает решать эту проблему исходя из идеи инверсности. Он выстраивает иерархию активности агенса по признаку одушевленности/неодушевленности, а также лица/числа, и получает следующий результат:

$$(27) \quad 1Sg > 1Pl > 2Sg > 2Pl > 3Sg > 3Pl \text{ [Comrie 1980: 69].}$$

Те агентивно-пациентивные (субъектно-объектные) конъюнкции, где агентс выше пациенса по иерархии (27), например, "я – тебя", "мы – тебя" и т.д. – являются прямыми; те же, где дело обстоит наоборот, например, "он – меня", "вы – меня" и т.д. – инверсными. Все инверсные формы в парадигмах чукотско-корякского полиперсонального глагола маркированы (строго дистрибутивно!) морфемами *ine₃*, *ine₂*, а в чукотском – также *tku*. Результаты своего анализа Комри суммирует в таблицах для чукотского и корякского языков, но их вполне можно свести в одну, которая отражает ситуацию во всех четырех чукотско-корякских языках¹⁰:

Obj	Sb →	1Sg	1Pl	2Sg	2Pl	3Sg	3Pl
1Sg		X	X	=	<i>ine₂</i>	=	
1Pl		X	X	= <i>tku</i>	=		
2Sg				X	X		(i) <i>ine₃</i>
2Pl				X	X		
3Sg							
3Pl							

⁹ В не-императиве это только 1 л.: *t* = "я", *mat* = "мы", противопоставленное не-первому, что приводит к формальной омонимии, ср. выше (18), конъюнкции 2Sg/1Sg, 3Sg/1Sg; ср. однако ниже, 4.5.2.

¹⁰ У Комри [Comrie 1980: 70] приведена также таблица по ительменскому языку. Эти данные я исключаю из рассмотрения. Все сходные элементы в ительменском и чукотско-корякских языках носят контактный характер (ср. сноску 1). Так, агентс 3Pl в ительменском маркирован префиксом *n* = (рефлекс *ine₃*), но это все. Никаких следов *ine₂* или *tku* в ительменской парадигме нет. Нет в ительменском и чукотско-корякской системы предикативов (*ine₁*).

Перечеркнутые клетки – запрещенные в чукотско-корякских языках конъюнкции, предполагающие выражение возвратности (она выражается иными средствами)¹¹; черта разделяет прямые и инверсные формы. В отдельные рамки выделены формы с *ine*₂ (во всех языках) и с *tku* (в чукотском – в других языках здесь отмечается *ine*₃). Формы с *ine*₃ Комри характеризует как "формы сильной инверсии", т.е. такие конъюнкции, в которых расстояние между субъектом и объектом по шкале иерархии велико и даже максимально (как в случае "они – меня"). Формы с *ine*₂ охарактеризованы им как "формы слабой инверсии" – здесь расстояние по шкале иерархии меньше ("он/вы/ты – меня"). Чукотский *tku* представляет случай минимального расстояния по шкале иерархии: "ты/вы – нас"; в корякских языках, где *tku* нет, эти случаи попадают в формальный разряд "сильной инверсии" – но это, в конце концов, принципиального значения не имеет. Идея инверсности, предложенная Комри, представляется мне в высшей степени плодотворной, поскольку она позволяет рассматривать *ine*₂ и *ine*₃ в рамках единой системы, объясняет функцию этих морфологических сегментов. Более того – именно идея инверсности дает возможность сблизить разнопорядковые (что для меня принципиально важно) элементы *ne/na* (*ine*₃) и *ine*₂ как формальные сигналы одного и того же морфологического процесса.

4.4. В аналогичном ключе рассмотрена недавно полиперсональная парадигма алюторского языка [Кибрик 1997]. Не все в этой работе представляется бесспорным, но это в данном случае не важно. Как и Комри, Кибрик строит "дейктическую иерархию" [Там же: 48], анализирует алюторскую парадигму с точки зрения соотношения агентива и пациентива в словоформе (выше/ниже) и получает ожидаемый результат: формы, маркированные префиксами *ina* (*ine*₂) и *na* (*ine*₃), попадают в группы, образуемые по разным правилам. Специально обсуждается конъюнкция "они – меня", которая маркирована не *ine*₂, а *ine*₃: объектное значение в ней выражается показателем позиции $P_{Об}$ – =*уэт* (во всех четырех языках, ср. парадигмы (1)–(4)). Случай в парадигме единственный; Кибрик указывает, что здесь мы имеем ситуацию, когда "оба аргумента являются крайними точками на дейктической иерархии", что и требует отдельной маркировки "по более общему ролевому правилу маркированности: Пациентив < Агентив" [Там же: 51]. С точки зрения принятых Кибриком "правил игры" объяснение исчерпывающее, но Комри, на мой взгляд, справляется с этим случаем проще: он констатирует, что *ne* = (*ine*₃) и *ine* = (*ine*₂) в одной словоформе не встречаются [Comrie 1980: 71]¹². Кибрик поставил своей целью проделать синхронный анализ данной ему системы до конца и без остатка; цели своей он достиг вполне. В высшей степени ценным представляется его заключительный вывод: "иногда само значение морфемы кодирует не некоторую семантическую константу, а ее перемещенный маркированный статус. Таковы, например, алюторские морфемы *na* =, *ina* =, которым приписывается соответственно значение Агентива низкого ранга и Пациентива высшего ранга" [Кибрик 1997: 56, выделено мною. – А.В.]. В этом пассаже *ine*₂ и *ine*₃ недвусмысленно сближаются; то же мы видим и в работе Комри. "Семантическая константа" этого морфологического сегмента – "имеет отношение к" (ср. 2.2), а к чему именно – указывает позиция в линейной цепочке: к маркировке агенса, но иерархически низшего (левая терминальная позиция), или к

¹¹ Это не обязательно так; в енисейских языках, например, возвратность выражается в составе полиперсональной парадигмы, т.е. возможны конъюнкции типа "я – меня" (= "я – себя"); ср., в частности, последние работы Г.К. Вернера по кетскому и коттскому языкам [Werner 1997a, 1997b].

¹² Надо еще обратить внимание на то, что =*уэт* в этой словоформе (напр. чук. *ne=ʔu=уэт* "они=увидели=меня") происходит из личной парадигмы предикативов, ср. парадигмы (1)–(4) и (5)–(14), а также (21)–(22). Можно думать, что агентивная группа 3Р1 при формировании биперсональной парадигмы финитного глагола сложилась, вероятно, первой.

маркировке объекта, но иерархически высшего. Первоначально это объект, который может быть инкорпорирован в словоформу, поскольку *ine*₂ занимает позицию (г), и от этого факта мы никуда не уйдем; но при организации системы полиперсонального спряжения за ним закрепились специальная функция – маркировки объекта наивысшего ранга (1Sg).

4.5. Морфологический сегмент *ine*₁ усматривается в полиперсональном глаголе в показателе *nin/nen* (сингармонические варианты); этому суффиксу приписано "кумулятивное значение" "он – его" (3Sg/3Sg), ср. =*ninet* 3Sg/3Pl (чук.), также алют. =*ninat* 3Sg/3Du, =*ninawwi* 3Sg/3Pl, керек. =*ni* 3Sg/3Sg, =*ninnat* 3Sg/3Du, =*ninnakku* 3Sg/3Pl (парадигмы (1), (3), (4))¹³. Интересующий нас морфологический сегмент выделяется в случае прикрытия квазитерминальной позиции показателями числа, ср. выше, 2.1. Его деривационная история может быть представлена следующим образом.

Суффикс биперсонального глагола *nin/nen* материально совпадает с показателем посессивного предикатива от имен собственных (ограничимся чукотскими примерами):

- (28) чукотский
1. <i>Mewetə=nin tumyətum</i>	"товарищ (друг) Мевета"
2. <i>Mewetə=ninet tumyət</i>	"товарищи Мевета"

Сопоставим словоформы финитного глагола:

- (29) чукотский
1. <i>ʃtu=nin tumyətum</i>	"увидел=он=его товарища"
2. <i>ʃtu=ninet tumyət</i>	"увидел=он=их товарищей"

4.5.1. Формы типа (29) вполне могли бы быть трактованы как "имеющие отыменное происхождение" – *ʃtu=nin/et* "его (у)видение одного/многих"; к счастью, никто таких идей не высказывал. Но против того, что формы типа (29) являются, по-видимому, древнейшими биперсональными глагольными формами, я сильных возражений не предвижу, поскольку конъюнкция "он – его" является коммуникативно важнейшей. Уже в первом описании грамматического строя чукотского и корякского языков было высказано мнение, что показатель =*nin(e)* членится и представляет собой "удвоение притяжательного суффикса": *n + in(e)* [Bogoras 1922: 709]. Скорик (для чукотского) и Жукова (для корякского) такой точки зрения не приняли, хотя с членением *n=in(e)* согласны. Скорик трактует *n=* как показатель ед.ч., но Жукова предлагает, на мой взгляд, более адекватную трактовку: *n=* представляет категорию определенности и означает "принадлежность одному лицу". Ему противостоит показатель *-ry* (в кор. =*cy*, в алют. =*ry*), означающий принадлежность многим лицам (ср. [Жукова 1972: 157]). Показатели грамматической категории числа занимают другую позицию в словоформе и имеют другие экспоненты:

- (30)
1. <i>Mewetə=ry=in=∅ tumyətum</i>	"товарищ (семья) Меветов"
2. <i>Mewetə=ry=ine=t tumyət</i>	"товарищи (семья) Меветов"

4.5.2. Надо подчеркнуть, однако, что форм типа **ʃtu=ry=in*, **ʃtu=ry=ine=t* в полиперсональной парадигме нет, и понятно, почему: **ʃtu=ry=in/et* безусловно должно было бы означать "о н и увидели его/их". Но агенс в линейной модели словоформы занимает терминальную позицию – левую или правую, ср. (26); в агентивной группе 3Pl он выражается инверсивным префиксом *ine*₃, ср. выше, 4.3, объект же 3 л. – суффиксом

¹³ В корякском этот суффикс показателей числа не присоединяет: *lhu=nin* значит "он=увидел=его/их=дв./их-мн.", ср. парадигму (2).

-n ($ne=ʃʎu=n/et$ "они=увидели=его/их"). Это показатель стандартный для всей парадигмы, ср. $tə=ʃʎu=n$ "я=увидел=его", $ʃʎu=n$ "ты=увидел=его" и т.д. Показатель $=nin$ в $ʃʎu=nin$ "он=увидел=его" снимает омонимию 2/3 лица в этой коммуникативно важной точке системы (ср. выше 3.1).

5. СЛоговая структура словоформы

5.1. Самая распространенная модель слога в чукотско-корякских языках – CVC; фонотактическая модель словоформы – CVCCVC. В ней указаны всего лишь ограничения на появление согласных в цепочке словоформы (не более одной – в начале и в конце, не более двух – в середине), из нее не следует, что словоформа не может начинаться с гласной и заканчиваться открытым слогом. Однако словоформы, функционирующие как предикаты (предикативы и финитные глаголы), строятся именно по модели CVCCVC – они начинаются и кончаются согласными. Таково правило, которое может и нарушаться, в чем легко убедиться, просматривая приведенный выше парадигматический материал. Тем не менее, попадая в правую терминальную квазипозицию (ср. (16a)), ine_1 по этому правилу всегда приобретает вид in/en , а ine_3 , занимающий левую терминальную позицию, имеет вид ne/na . Все элементы, занимающие эту позицию в финитном глаголе, начинаются с согласного. В не-императиве это $t=1$ л. ед. ч., $mat=1$ л. мн. ч., в императиве – $m=1$ л. ед. ч., $q=2$ л., $n=3$ л., tan – форма совместного действия. Полиперсональная парадигма императива тоже строится по принципу инверсии, причем инверсивные формы отмечаются в тех же конъюнкциях, что и в не-императиве, ср. выше, 4.1. Инверсный показатель императива имеет вид в чукотском и алюторском – $ʔən(ə)$, в корякском и керекском – $hən(ə)$: это левая терминальная позиция, которая требует "прикрытия" гласного (хотя бы даже неопределенного) гортанной смычкой или фарингалом, в соответствии с правилами чукотско-корякской морфонологии. Поскольку инверсия характерна прежде всего для 3 л., то показатель $ʔən(ə)/hən(ə)$, по-видимому, представляет собой результат сложения ne/na (ine_3) и n (императив 3 л.). Но в корякских языках инверсные формы есть и во 2 л., ср. выше (25). Императив во 2 л. маркирован префиксом $q=$, но в данном случае сохраняется инверсный показатель, вероятно, по системным соображениям. Сравним корякские и чукотские данные (в чукотском в этом месте используется tku , что позволяет сохранить префикс императива):

(31) корякский	чукотский	
$hənə=ʎu=mək$		"увидь=ты=нас=дв."
$hənə=ʎo=la=mək$	$qə=ʃʎu=tku=yi$	"увидь=ты=нас=мн."
$hənə=ʎu=mək$		"увидьте=вы=нас=дв."
$hənə=ʎo=la=mək$	$qə=ʃʎu=tku=tək$	"увидьте=вы=нас=мн."

5.2. Морфологический сегмент ine_2 занимает в модели словоформы не терминальную позицию, ср. (26). Именно поэтому, попадая в левую терминальную квазипозицию (чук. $ine=ʃʎu=yʎi$, кор. $ine=ʎu=j$ "меня=увидел=ты=он"), ine_2 не претерпевает никаких трансформаций. Он всегда "прикрыт" слева: в последнем случае – нулевым префиксом прошедшего времени, но префикс может быть и ненулевой, как в случае с футуром или конъюнктивом (ограничусь чукотскими данными):

(32)	$r=ine=ʃʎu=yʎe$	"меня=увидишь=ты/увидит=он"
(33)	$nʎ=ine=ʃʎu=yʎe$	"меня=увидел=бы=ты/он"

Может быть актуализован и префикс императива:

(34)	$q=ine=ʃʎu=yi$	"увидь=ты=меня"
------	----------------	-----------------

В (32) – (34) *ine*₂ функционирует как маркер объекта 1Sg. Как видим, левее его в словоформе имеется только один элемент (позиция Т/М, ср. (26)). Введение в словоформу элемента позиции Р_{Ag} (левая терминальная) превращает *ine*₂ в "детранзитиватор", "антипассив" или "инкорпорант" (ср. выше, 3.6):

(35) $t=r=ine=f\lambda u=y\lambda e$ "я=кого-то=увиджу"

В (35) *ine*₂ может быть заменен на конкретный инкорпорированный объект:

(35a) $t=re=tumye=f\lambda u=y\lambda e$ "я=товарища/=ей=увиджу"

Вышесказанное справедливо для всех чукотско-корякских языков.

6. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

6.1. Морфологический сегмент *inelena* фиксируется в максимальной модели предикативной словоформы чукотско-корякских языков трижды: в правой терминально-нетерминальной позиции (*ine*₁), в нетерминальной предкорневой позиции (*r*), непосредственно предшествующей корню (*ine*₂), в левой терминальной позиции (*ine*₃). Функциональный класс словоформ, называемых предикативами, диахронически предшествовал современному финитному глаголу, см. 0.3; структурная модель словоформы предикативов (речь идет о предикативах типа "быть" (0.3.1) и "иметь" (0.3.2), традиционно включаемых в систему финитного глагола) выводится из максимальной модели (26):

(36) $M + ine_2 + R + tku + ine_1 + P/Num$

Позиция *tku* характерна только для чукотского.

В позиции М противопоставлены префиксы *n(ə)=* (предикативы типа "быть", ср. парадигмы (7) – (10)) и *ye=ya=* (предикативы типа "иметь", ср. парадигмы (11) – (14)). Это – противопоставление аспектуального типа, что отмечала также Муравьева в своей работе по аллаторскому глаголу [Муравьева 1986: 133]. Личные показатели в позиции Р/Num в ролевом отношении диффузны: они могут быть ассоциированы с ролью S, парадигмы (9), (10), (13), (14), а также с Ag, парадигмы (20. 1–8), (21. 1–5) и с Pt, парадигмы (20. 9–14), (21. 6–11), (22). Морфологический сегмент *ine*₁, выделяемый в предикативах, к выражению лица отношения не имеет (хотя и маркирует формы только 3 л.), его функция – указание на то, что данная форма выражает предикат (ср. 2.3). В словоформах предикативов *ine*₁ и *ine*₂ могут фиксироваться одновременно, причем это характерно только для чукотского и керекского языков, ср. сноску 5 – парадигмы (20.3), (20.6), (21.2). В первом случае – парадигма (20) – *ine*₂ соотносится с общим указанием на объект, безотносительно к лицу, во втором – парадигма (21) – получает специализацию – объект 1Sg, как в финитном глаголе. В последней функции *ine*₂ выступает во всех чукотско-корякских языках, ср. парадигмы (1) – (4).

В финитном глаголе, помимо *ine*₁ (ср. 4.5) и *ine*₂, фиксируется еще *ine*₃, однако, в отличие от предикативов, сочетание разнопорядковых *ine* в словоформе финитного глагола запрещено.

6.2. Все три позиции *ine* в максимальной модели следует определить как обязательные: *ine*₃ стоит в агентивной позиции, *ine*₁ – в позиции маркера предиката (у предикативов) или в позиции объекта (финитный глагол). В обоих случаях морфологический сегмент *ine*₁ выделяется только при диахроническом анализе. Что касается *ine*₂, занимающего позицию (*r*), то он может быть оценен как обязательный лишь у предикативов (парадигмы (20), (21)) или в структуре полиперсональной парадигмы – (1) – (4), ср. также (32) – (34), где он выступает в роли показателя объекта, в финитном глаголе – только объекта 1Sg. В качестве "местодержателя" для инкорпорированного объекта (парадигма (19), ср. также (35)) *ine*₂ должен быть оценен как необязательный элемент. Это интересный факт для позиционного анализа: в модели

появляется обязательно-необязательная позиция, что создает описательные трудности. Они могут быть преодолены либо членением данной позиции (порядка) на подпорядки (о понятии подпорядка см. [Ревзин, Юлдашева 1969; Володин 1976; Стегний 1983]), либо разложением позиции на две смежных (как сделано в [Мальцева 1994])¹⁴, но последний способ менее удачен, т.к. создается впечатление, что *ine*₂ может фиксироваться в конкретной словоформе дважды, что невозможно.

6.3. Остается решить вопрос, поставленный в 1.1: идет ли речь об одной морфеме или о нескольких омонимичных морфемах? Положительный ответ в первом смысле, возможно, потребовал бы пересмотра дефиниции морфемы как единства позиции, значения и экспонента. Тем не менее Комри и Кибрик отвечают на этот вопрос, по сути дела, положительно (правда, они говорят исключительно об *ine*₂ и *ine*₃, ср. хотя бы цитированную в 4.4 поистине чеканную формулировку Кибрика о переменном маркированном статусе). Я разделяю это воззрение. Специфика *ine* состоит в том, что, имея своим планом содержания общее указание ("имеет отношение к"), эта морфема маркирует те категориальные значения, которые характерны для данной позиции в линейной цепочке словоформы, ср. 1.1; говорить об *ine* как о "блуждающей морфеме" можно только в диахроническом смысле.

Можно полагать, что диахронически древнейшим является *ine*₁ (посткорневая позиция). В пользу этого говорит тот факт, что на синхронном срезе *ine*₁ практически не вычленяется, а также то, что он безразличен к семантике корня. Введение в словоформу *ine*₂ резко меняет картину: *ine*₂ сочетается только с глагольным корнем, притом не всяким, а лишь таким, который предполагает наличие агентивно-пациентивных отношений, т.е. способен инкорпорировать объект. Вхождение *ine*₂ возможно было только в систему, где уже имеется *ine*₁. Речь идет о предикативах, в словоформах которых отмечается наличие двух *ine*. Первой функцией *ine*₂ в этих словоформах было общее указание на объект (в сущности, функция местоимения), и лишь позже, при формировании системы финитного глагола и механизма инверсии (*ine*₃), функция *ine*₂ специализировалась: маркер объекта наивысшего ранга по иерархии активности (1Sg). Цельность этой системы подчеркивается строгой дистрибуцией *ine* в словоформе биперсонального глагола: либо *ine*₃, либо *ine*₂ как объект 1Sg, либо *ine*₁ как "кумулятивный показатель" 3Sg/3Sg. В моноперсональном глаголе также возможен только один *ine* (*ine*₂ как "местодержатель" инкорпорлируемого объекта), ср. парадигму (19).

6.4. Об этимологии *ine* предшествующие исследователи вопроса не ставили. Только в одном месте о префиксе *ine/ena* сказано, что он "очевидно, в прошлом был корневой морфемой" [Скорик 1977: 276]. То, что *ine* – бывшая корневая морфема, сомнению не подлежит, поскольку она способна занимать позицию (г). Допустимо предположение, что *ine* восходит к *en* = чук. "этот, тот", кор. "он" – прослеживается идея общего указания, конкретизируемого в зависимости от позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асиновский А.С., Володин А.П., Головкин Е.В. 1987 – О соотношении экспонента морфемы и ее позиции в словоформе // ВЯ. 1987. № 5
Богораз В.Г. 1937 – Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.; Л., 1937.
Володин А.П. 1976 – Ительменский язык. Л., 1976.
Володин А.П. 1991 – Проспект описания керекского языка (чукотско-камчатская группа) // Языки народов Сибири. Грамматические исследования. Новосибирск, 1991.
Володин А.П. 1997 – Керекский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М., 1997.
Глисон Г. 1959 – Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
Жукова А.Н. 1972 – Грамматика корякского языка. Л., 1972.

¹⁴ Это первая работа по чукотско-корякским языкам, где дана полная развертка максимальной позиционной (порядковой) модели финитного глагола (на алыторском материале).

- Жукова А.Н. 1980 – Язык паланских коряков. Л., 1980.
- Жукова А.Н. 1987 – Корякский язык. Л., 1987.
- Кибрик А.Е. 1997 – Иерархии, роли, нули, маркированность и "аномальная" упаковка грамматической семантики // ВЯ. 1997. № 4.
- Мальцева А.А. 1994 – Морфология глагола в аляutorском языке: финитные формы (с применением методики порядкового членения). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Новосибирск, 1994.
- Муравьева И.А. 1986 – Морфология аляutorского глагола // Языки народов Сибири. Новосибирск, 1986.
- Ревзин И.И., Юлдашева Г.Д. 1969 – Грамматика порядков и ее использования // ВЯ. 1969. № 1.
- Скорик П.Я. 1958 – К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков // ВЯ. 1958. № 1.
- Скорик П.Я. 1961 – Грамматика чукотского языка. Ч. I. М.; Л., 1961.
- Скорик П.Я. 1968 – Керекский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968.
- Скорик П.Я. 1977 – Грамматика чукотского языка. Ч. II. Л., 1977.
- Стегний В.А. 1983 – Морфологическая структура глагола в языке кламат. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1983.
- Bogoras W. 1922 – Chukchee // Handbook of American Indian languages. P. II. Washington, 1922.
- Comrie B. 1980 – Inverse verb forms in Siberia. Evidence from Chukchee, Koryak and Kamchadal // Folia linguistica historica. Acta societatis linguisticae Europaeae. I/1. 1980.
- Fortescue M. 1993 – The origins of Chukotko-Kamchatkan verbal paradigms. Manuscript, 1993.
- Georg St., Volodin A.P. 1999 – Die itelmenische Sprache. Grammatik und Texte. Wiesbaden, 1999.
- Kampfe H.-R., Volodin A.P. 1995 – Abriß der tshuktschischen Grammatik (auf der Basis der Schriftsprache). Wiesbaden, 1995.
- Werner H. 1997a – Die ketische Sprache. Wiesbaden, 1997.
- Werner H. 1997b – Abriß der kottischen Grammatik. Wiesbaden, 1997.